

*К. И. Мет
Фрунзе*

**ВЫДАЮЩИЕСЯ ДЕЯТЕЛИ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
БИБЛИОГРАФИИ**

УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ

СПбГАК 1995

Б 5145
В-92

С о д е р ж а н и е

Предисловие	3
Василий Степанович Сопиков (1765-1818)	6
Григорий Николаевич Геннад (1826-1880)	14
Библиографы круга "Библиографических записок"	22
Владимир Измайлович Межов (1830-1894)	31
Николай Михайлович Лисовский (1854-1920)	37
Николай Александрович Рубакин (1862-1946)	43
Августа Владимировна Мезьер (1862-1935)	51
Николай Васильевич Здобнов (1888-1942)	58
Евгений Иванович Шамурин (1889-1962)	66
Михаил Николаевич Куфаев (1888-1948)	74
Константин Романович Симон (1887-1966)	83
Заключение	89

ВЫДАЮЩИЕСЯ ДЕЯТЕЛИ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ БИБЛИОГРАФИИ

Учебное пособие
для студентов библиотечных
факультетов

Издается по решению Редакционно-издательского совета Санкт-Петербургской государственной академии культуры.

Ответственный за выпуск:
А. В. Мамонтов, кандидат пед. наук,
профессор СПбГАК.

© Санкт-Петербургская государственная академия культуры, 1995

Б 98-2215/2
ГОС. ПУБЛИЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА
ВО 1988 РК 2215/2

Предисловие

Это небольшое пособие рассчитано на тех, кто желает более подробно ознакомиться с деятельностью наших предшественников на ниве библиографии. Оно адресовано неравнодушным и любознательным.

Судьбы русской библиографии сложились так, что ее деятели были, как правило, непрофессионалами, "любителями", людьми, бескорыстно преданными культуре и трудившимися без надежды на славу и благодарность потомства. Из всех видных русских библиографов (до октября 1917 г.) профессионалом, т.е. человеком, существовавшим на заработки от библиографического труда, был один только В. И. Межов. Остальные, создавшие золотой фонд русской библиографии, трудились совершенно бескорыстно. Это — феноменальное явление, равного которому не знает библиография ни одной страны! Они не имели никаких государственных дотаций, не опирались на помощь меценатов, не служили в крупных библиотеках. Они просто работали.

Несмотря на столь существенный вклад в отечественную культуру, наши библиографы (за редким исключением) не удостоились научных биографий. Труды их у нас не переиздаются, несмотря на то, что они не утратили научно-справочного значения. Зато они переизданы за рубежом, ибо без них не обходится ни один славист, коих ныне в мире — великое множество. Жизнь и деятельность наших предшественников на скромном поприще библиографии — это почетная страница истории русской интеллигенции, которую всегда отличало бескорыстное служение культуре, рвение о нуждах просвещения, неутомимое трудолюбие.

Прочитав приводимые ниже биографии, вы увидите, как много было сделано этими "любителями". То, что теперь создают целые коллективы, в прошлом делали одиночки-энтузиасты. Это урок нам всем.

В нашем пособии освещена жизнь и деятельность далеко не всех достойных тружеников-библиографов. Для этого просто тут не хватило места. За пределами пособия остались такие видные библиографы

прошлых лет, как А.К.Шторх, Ф.П.Аделунг, П.И.Кеппен, С.А.Венгеров, А.Ф.Смирдин, А.Н.Неустроев, Н.В.Губерти и др., а также многие наши старшие современники.

Еще в восемнадцатом столетии в России начали складываться основные типы работников на ниве библиографии. Очень условно их можно подразделить на несколько групп:

1) Библиографы-ученые. В XVIII в. это епископ Дамаскин; в XIX - Шторх и Аделунг, Кеппен, деятели отраслевой библиографии.

2) Библиографы, связанные с книготорговым и книгоиздательским делом. В XVIII в. - Новиков, Соликов; в XIX - Смирдин.

3) Библиографы, вышедшие из среды библиофилов (так же как первая группа, передержавшие в руках тысячи книг). В XVIII в. это Бантыш-Каменский, в XIX - целая плеяда работников: Соболевский, Полторацкий, Геннади, Лонгинов, Ефремов, Афанасьев, Якушкин, Касаткин и др.

4) Библиографы-профессионалы (т.е. зарабатывавшие на жизнь составлением библиографических указателей). В XVIII в. их еще не было. В XIX - типичнейшей фигурой является Межов, один из самых плодовитых русских библиографов, но сильно уступающий в знании литературы представителям всех названных выше групп.

5) Библиографы-библиотекари. Это, в основном, сотрудники крупнейших библиотек - Минцлог, Востоков, хорошо знавший книги своих собраний. Так как одновременно в России действовали представители всех (или почти всех) групп, то их деятельность охватывала все аспекты проблемы. Первые хорошо знали нужды науки и создавали указатели в помощь ее развитию. Вторые прекрасно знали нужды и пристрастия широкого читателя и формировали эти пристрастия. Третьи лучше всех знали русскую книгу, ибо в те годы библиофил был не просто собирателем, но и специалистом, изучавшим книгу, публиковавшим интересные документы и частенько выступавший в роли редактора сочинений старых наших писателей (ярчайший пример - П.А.Ефремов, под редакцией которого вышли собрания сочинений множества авторов, как первостепенных, так и забытых). По в целом все они знали и то, и другое (кроме разве профессионалов, которые ориентировались на конъюнктуру).

Следует помнить, что так как это пособие - по общему курсу, то в нем остались неосвещенными деятели отраслевой библиографии (кроме "многоотраслевого" В.И.Межова). В области отраслевой библиографии

часто подвизались ученые, чувствовавшие необходимость создания сводов литературы по своей специальности. Из этих лиц, внесших громадный вклад в развитие не только отраслевой библиографии, но и самой отрасли, в нашем гособии упомянут лишь Е.И.Якушкин.

Изучая библиографию того или иного лица, обязательно следует привлекать дополнительную литературу, а также, по возможности, знакомиться с библиографическими или теоретическими трудами данного деятеля. Наше пособие - только первоначальный шаг к знакомству с людьми, оставившими нам богатейшее наследие. Цель его - вызвать интерес и побудить к дальнейшему изучению, уже самостоятельно.

История науки - это, в конце концов, история ее выдающихся деятелей, несмотря на кажущийся коллективный характер научного труда, проявляющийся в наше время. Во главе любого коллектива стоит некто, чьи идеи этот коллектив разрабатывает. Что же до дореволюционной русской библиографии, то она не опиралась даже на коллективы библиотек: ни один из них не внес существенного вклада в ее развитие.

Таким образом, биографический метод изучения истории библиографии как научного и общественного явления - вполне оправдан.

Издательство "Книга" выпустило несколько биографических книжек, посвященных деятелям дореволюционной и советской библиографии. Это книги о Межове, Рубакина, Геннади, Мезьере, Шамурине, Здобнове, Лисовском (крайне неудачная). Вот и все, что мы можем рекомендовать студентам. Так что перед вами - непечатный край деятельности. Дерзайте!

Авторы очерков - кандидаты педагогических наук Л.М.Равич ("В.С.Соликов", "Г.Н.Геннади", "Библиографы круга "Библиографических записок"), А.В.Мамонтов ("В.И.Межов", "Н.М.Лисовский", "Н.А.Рубакин", "А.В.Мезьер", "Н.В.Здобнов", "К.Р.Симон"), Т.Д.Крылова ("Е.И.Шамурин"), Н.К.Деликова ("М.Н.Куфаев").

Василий Степанович Сопиков (1765-1818)

Сопикова называют "отцом русской библиографии". Это не значит, что до него в России не издавали библиографических работ: просто он дерзнул составить "Полный словарь сочинений и переводов, напечатанных на славенском и российском языках от начала заведения типографий, до 1813 года". Этот поистине героический труд он назвал скромно - "Опыт российской библиографии". Естественно, что подобную работу ни в какой стране нельзя было создать на пустом месте. Должна была уже существовать какая-то библиографическая традиция, должно было проявиться понимание и общественная потребность в информации о книгах, наконец, должна была существовать библиографическая грамотность. Все это, правда в зачаточном виде, в России к концу XVIII столетия уже было.

Из предшественников Сопикова следует назвать в первую очередь Николая Ивановича Новикова, замечательного нашего просветителя, который создал и выпустил в свет первый библиографический словарь (он же - первая русская энциклопедия) - "Опыт исторического словаря о российских писателях". Собственно библиографический элемент этого сочинения еще слаб; некоторые книги указаны без подлинного описания, некоторые даже суммарно, но главное было сделано: были собраны воедино сведения обо всех пишущих. Это уже была некая "база".

Подлинно библиографическая культура была продемонстрирована русскими библиографами немецкого происхождения, которые пытались перенести на российскую почву приемы и методы тогда уже достаточно развитой немецкой (и - шире - европейской вообще) библиографии. Их имена называет и сам Сопиков в "Предупреждении" к своему труду. Назовем их и мы. Это Г.Л.Бакмейстер, автор "Русской библиотеки" - журнала, в котором были тщательно описаны русские книги, выходившие в свет в период с 1770 до 1787 г. Журнал издавался на немецком языке и был предназначен для ознакомления европейского читателя с русской литературой, но, конечно, мог использоваться и в России.

В 1810-1811 гг. в Петербурге вышло замечательное сочинение двух ученых, также немецкого происхождения, - Андрея Карловича Шторха и Федора Петровича Аделунга. Оба они были видными учеными: Шторх в области политической экономии и статистики, Аделунг - в области истории и археологии. Они вдвоем составили и выпустили

"Систематическое обозрение литературы в России в течение пятилетия - с 1801 по 1806 год". Это было образцовое сочинение, построенное по методу "Реперториев литературы", издававшихся в то время в основных странах культурного мира. Для России это была совершенная новинка. Небольшой период охвата литературы компенсируется ее значимостью. Ведь речь шла о "дне александровых предрасном начале", когда в стране наблюдалось интенсивное развитие науки, культуры, журналистики. В методическом отношении труд Шторха и Аделунга был безупречен, и нет сомнения в том, что принципы описания и систематизации, примененные ими, надолго закрепились в отечественной библиографии.

Кроме этих трудов, в России уже начала развиваться система информации читателя о текущей литературе. Эту функцию взяли на себя журналы литературные и общеобразовательные. Публикуемая информация обязательно сопровождалась оценкой - рецензия еще не считалась жанром критики.

Большим подспорьем для Сопикова служили и книгопродавческие каталоги, существовавшие в России со времен Новикова, а также описания частных книжных собраний. Ни одно из них, конечно, не содержало всех русских книг, но в совокупности давало множество сведений о них.

В.С.Сопиков, в отличие от большинства позднейших русских библиографов, происходил из купеческого сословия и не получил систематического образования. Его "университетом" стала книжная торговля. Мы очень мало знаем о его жизни. Известно только, что он с малых лет служил в книжных лавках, у книготорговцев Полежаева и Кольчугина. Оба они, в свою очередь, были комиссионерами Новикова, и, возможно, так же как и последний - мещанами. Во всяком случае, это были просвещенные люди, и молодой Сопиков многому у них научился. В конце XVIII столетия он решает открыть собственную книжную торговлю. К тому времени он был уже первоклассным знатоком отечественной книги, прекрасно знал и потребности читателя. Все это очень помогло ему при создании "Опыта российской библиографии". Знание книги "живьем" вообще было свойственно русским библиографам допрофессионального периода, ибо все они были владельцами хороших библиотек. Сопиков тоже имел библиотеку, но не для личного пользования, а, как тогда говорили, - "библиотеку для чтения", т.е. общественную. Такие библиотеки открывались при крупных книжных магазинах ("лавках") и играли значительную роль

в повышении читательской культуры: ведь публичных библиотек тогда в России еще не было. Императорская Публичная библиотека еще только готовилась к открытию, а Библиотека Академии наук была мало доступна. Да и то это было в Петербурге: провинция имела только библиотеки при книжных лавках. Такие библиотеки, как правило, имели печатные каталоги, где было также обозначено, сколько стоит "прокат" той или иной книги. Соликов не отставал и в этом: в 1800 г. он издал каталог своей библиотеки, в котором было указано около полутора тысяч книг: для того времени весьма внушительная цифра. Кроме каталога библиотеки он, как и полагалось, выпускал время от времени росписи книг своей торговли. Все это поддало ему мысль о собирании сведений обо всех русских и славянских книгах, т.е. о создании национального книжного репертуара.

Идея репертуара к концу восемнадцатого века, века просвещения, уже, можно сказать, витала в воздухе. Над ее осуществлением трудились несколько ученых, не сговариваясь между собой. Самых крупных результатов удалось добиться епископу Дамаскину, одному из самых образованных людей своего времени, но труд его остался неопубликованным. И вот за такое ответственное и труднейшее дело берется разночинец, самоучка, книготорговец. Это было уникальным явлением. Собирая сведения обо всех русских книгах, Соликов все время наткался на "большие пятна". О какой-то книге он, например, слышал, но видеть ее не удалось. Какой-то автор скрылся под псевдонимом, а расшифровать его нет возможности. Не надо забывать, что справочной литературы в России того времени еще почти не было. Можно было полагаться только на свой опыт и знания.

Когда поиски Соликова были исчерпаны, и он зашел в тупик, он понял, что сможет завершить свой труд, только имея перед глазами какое-либо крупное книжное собрание, особенно включающее книги прежних лет, которых уже давно не было в книжной торговле. И он решает на очень непростой шаг: продает свою книжную торговлю вместе с библиотекой и занимает на службу во вновь открывшуюся Императорскую публичную библиотеку. Это теперь просто сказать: занимает. Но в те времена, для того чтобы быть принятым в число служащих императорского учреждения, надо было иметь гражданский чин. А Соликов его как мещанин не имел. И вот директор Публичной библиотеки Оленин выхлопотал ему, уже немолодому человеку, "чин четырнадцатого класса", которым награждались мальчишки. Но Соликов шел на все, лишь бы иметь возможность пользоваться фондами

Публичной библиотеки. К 1813 г. "Опыт российской библиографии" был завершен и начал издаваться отдельными выпусками.

Работа Соликова включала русскую книгу по весьма широкой программе: в сущности, это был указатель книг на славянских языках с начала книгопечатания, т.е. с Библии, изданной Франциском Скориной в Праге. Но зато книги на иностранных языках, издававшиеся в России, он не включил вовсе, объединив тем самым понятие национального репертуара. Заметим, что и позднейшие библиографы нечетко представляли себе границы репертуара русской книги, так что от Соликова, на столь раннем этапе развития библиографии, требовать ясности в этом вопросе не приходится. Всего его "Опыт" включил немногим более тринадцати тысяч книг и журналов. По нынешним понятиям, это очень мало: ведь речь шла о книгах с начала книгопечатания в России, т.е. за 2,5 века. Но такова была книжная производительность того времени. Как раз ко времени окончания Соликовым своего труда начался бурный рост книгопечатания в России. Так что его "Опыт" отражает, если можно так выразиться, эмбриональный период отечественного книгоиздания. Тем не менее работы над ним было очень много, ибо отсутствие регулярной информации и национального хранилища, которое включало бы все книги, изданные на территории государства, заставляло каждый раз производить тщательные разыскания библиографических данных. Соликову помогали ученые того времени (которые, заметим в скобках, сами не брались за такую каторжную работу). Особенно весом был вклад митрополита Евгения (Болховитинова), который сам в эти годы работал над библиографическим словарем русских писателей, духовных и светских, и щедро делился с Соликовым своими находками. Очень возможно, что автор "Опыта российской библиографии" пользовался советами и материалами библиографа В.Г. Агастасевича, с которым был в дружбе и который выпустил в свет тот том "Опыта", который вышел уже после смерти Соликова. Но, конечно, львиную долю работы выполнил сам Соликов.

"Опыт российской библиографии" состоит из пяти частей. Первая включает книги на церковно-славянском языке (точнее, шрифте), остальные посвящены светской книге. Очень многие книги описаны им по подлинникам, но не все: это было просто физически невозможно, ибо некоторые книги ХVI и ХVII вв. уже нельзя было найти. Пропуски и огрехи Соликова затем восполняли другие авторы, но и до сих пор нет полной уверенности в том, что мы знаем все русские книги того времени.

Перед составителем столь обширного указателя всегда стоит вопрос: как распределить эти книги, по какой системе, чтобы было удобно для читателя и реально для составителя. Сопиков пишет в "Предупреждении", что он не решился на систематизацию этого материала, хоть и прекрасно понимал, что это был бы наиболее научный способ расположения книг и журналов. Он пошел по более доступному пути: расположил все издания просто по алфавиту. Надо сказать, что в течение полутора веков осуждаемый принятый Сопиковым прием оказался единственно правильным: вышедший уже в наши годы "Сводный каталог русской книги XVIII века" тоже расположен по алфавиту авторов или заглавий (для безавторских изданий). Дело в том, что книга восемнадцатого века (я именно она составила основной массив труда Сопикова) весьма плохо поддается систематизации: как и наука того времени, она еще слабо дифференцирована и носит зачастую синтетический характер. Но Сопиков, понимая все слабости такого расположения материала, ввел внутри общего алфавита особые "гнезда" по содержательному принципу. Так, например, все оды были собраны под буквой "О" независимо от авторов их. Так же поступил он и с другими популярными в то время жанрами. Но и в других случаях общий алфавит был нарушен: книга описывалась по первому существительному, так называемому ударному слову. Исключения составляли книги самых выдающихся авторов, которые описывались под их именами. Таким образом создавалась изрядная путаница. Все эти дефекты должны были сгладить вспомогательные указатели: авторов и систематический. Но смерть помешала Сопикову это осуществить, он успел сделать вспомогательные указатели только к первой части "Опыта", а издавший последний том В.Г.Анастасевич не потрудился составить то, что просто было необходимо. Этот недостаток впоследствии исправили русские библиографы П.О.Морозов и В.Н.Рогожин, приложив вспомогательные указатели к переизданию труда Сопикова. Этим вторым изданием мы и пользуемся ныне, ибо полностью "Опыт российской библиографии" не перекрит позднейшими трудами. Теперь мы имеем следующие указатели к "Опыту": заглавий, авторов, собственных имен, географических названий; книг, напечатанных в провинциальных типографиях, и книг, показанных в "Опыте" редкими. Последний особенно ценится библиофилами, собирателями редких русских книг.

В.С.Сопиков, превосходно знавший нужды и интересы читателей своего времени, решился, как он сам говорит, "разбросать цветы

по пешаной степи" библиографии. Для этого он в своем "Опыте" привел многочисленные выписки из книг различного содержания, которые превратили сухой библиографический указатель в книгу для чтения. Это был смелый опыт, но у современников-коллег он не встретил одобрения. Его осудили такие ученые библиографы, как Анастасевич, епископ (затем митрополит) Евгений, т.е. именно те, кто помогал Сопикову и с чьим мнением он не мог не считаться. И постепенно выписки исчезают. Если в первой части их 37, то затем они идут по убывающей: во второй — 13, в третьей — 11, в четвертой одна и в пятой — ни одной. Кстати, заметим, что в переизданиях "Опыта" выписок вообще нет.

Дореволюционные исследователи не обратили на эти выписки никакого внимания и, как мы уже говорили, исключили их из позднейших переизданий "Опыта". Но советские ученые обратили на них самое пристальное внимание. Казалось очевидным, что составитель указателя сделал выписки из тех книг, которые хотел особо рекомендовать читателям. Так родилась гипотеза, что "Опыт российской библиографии" имеет в себе элементы библиографии рекомендательной и опережает в этом отношении свое время (рекомендательная библиография в России зародилась только во второй половине XIX в.). Несмотря на такую кажущуюся очевидность, гипотезу о рекомендательности несколько портит то обстоятельство, что подавляющая часть выписок сделана из книг церковно-славянской печати, которых в то время уже никто не читал. Не проще ли принять на веру слова самого Сопикова, когда он говорит, что цель этих выписок — ознакомление со стилем, а иногда и мыслями тех книг, которые русский провинциальный читатель вообще никогда не увидит.

Но обратимся к самим этим выпискам. Из каких книг, исключая церковно-славянские, они сделаны? В основном, из произведений французских писателей и философов-просветителей: Мармонтеля, Сильвена Маршалля, их последователя Раглицева (страница была вырезана цензурой). Большая выписка сделана из фальсольной поэмы Богдановича "Душенька" (65 страниц). Короче говоря, эти выписки — отражение вкусов и пристрастий составителя, они слабо поддаются идеологической квалификации. Действительно, как-то трудно соединить в едином ряду Мармонтеля, Богдановича и церковно-славянскую книгу. Тем не менее наши исследователи смело взялись доказать, что эти выписки составляют "Хрестоматию политического свободомыслия" I.

П.Н.Берков, а вслед за ним Н.В.Здобнов, даже и не сомневаются в том, что Сопиков был пропагандистом передовых идей своего времени, несмотря на явную пестроту списка "рекомендуемых" книг. Дело в том, что эта концепция родилась в недоброй памяти 1930-е гг., когда любое явление должно было получить политическую оценку, а если это было выдающееся явление культуры, науки или искусства, то его обязательно надо было "подтянуть" до уровня революционного или хотя бы прогрессивного.

Зато совершенно не освещенным остался библиофильский подход Сопикова к книге, ибо это словечко долгое время было чем-то вроде жупела: когда хотели упрекнуть библиографа, то говорили, что в его указателе проявились библиофильские тенденции. Сопиков тоже проявил эти тенденции, и это делает его указатель еще более ценным. Так, он указывает на редкость книги, дает описание отдельных экземпляров (как в случае с "Душенькой" Богдановича), указывает в необходимых случаях место хранения книги, если ее осталось очень мало, и т.п. Короче говоря, перед нами библиографический труд, выполненный человеком, всю жизнь с малых лет вращавшемся в мире книг, знавшим их как мало кто знал даже из его ученых коллег. И достоинства, и недостатки "Опыта" происходят именно из-за этого обстоятельства.

Большой интерес представляет "Предупреждение" к труду Сопикова. Это — обширная статья, можно сказать, первое в России (если не считать рассуждений Анастасевича в его журнале "Улей", мало популярном и написанном неудобочитаемым языком) рассуждение об обязанностях библиотекаря и библиографа. Оно и теперь читается с интересом.

"Предупреждение" делится на несколько частей. Основная — изложение теоретических положений (в основном, заимствованных у французских авторов, но для России новых) и краткая история книгопечатания. Существует мнение, что последняя написана митрополитом Евгением. Во всяком случае, известно, что Сопиков пользовался его материалами.

Для нас представляют интерес рассуждения Сопикова об обязанностях библиографа и библиотекаря (эти две специальности он, в соответствии с традицией того времени, не разделяет). Следует помнить, что во времена Сопикова существовало расширительное понятие библиографии, — она отождествлялась с книговедением. Такой

взгляд на библиографию был не только следствием слабой развитости ее теории, — он отражал существовавшее на практике положение вещей, когда одно и то же лицо было и библиографом, и книговедом в самом широком смысле слова, и историком литературы. Дифференциация гуманитарных знаний еще не начиналась: этот процесс произойдет уже во второй половине века.

Итак, Сопиков считает, что библиография состоит "в познании книг вообще". Библиография представлялась тогда как одна из наук исторического цикла, как часть истории культуры. Поэтому вполне традиционно понимание ее Сопиковым. Он пишет: "Библиография (книгописание), или основательное познание о книгах составляет существенную часть истории народного просвещения". Одна из ее важнейших функций — показывать "состояние и постепенное развитие наук вообще". Это последнее соображение перекликается с современным пониманием библиографии, точнее одной из ее функций — подготавливающей. "Библиография, — по мнению Сопикова, — из всех человеческих познаний есть самая пространнейшая наука".

Такое — явно преувеличенное — мнение о прерогативах библиографии разделялось в то время почти всеми. Во всяком случае в широком известном в России словаре книговедческих терминов Панько, без сомнения известном и Сопикову, высказывалось именно такое мнение о задачах библиографии. Но Сопиков шел еще дальше французских авторов: он считал обязанностью библиографа и библиотекаря руководить воспитанием читательского вкуса или, как он говорил, — "образовать вкус читателей к хорошим сочинениям". Правда, в России начала XIX в. еще не было библиотек, в которых можно было осуществить такую программу, но сама идея была затем подхвачена прогрессивной библиографией второй половины XIX в. Если Сопиков, как предполагают, был связан с окружением П.И.Новикова, то подобные просветительские тенденции представляются вполне естественными.

Создание "Опыта российской библиографии" силами одного человека — это подвиг. Пройдет еще полтора века, пока наша библиография, уже силами коллективов нескольких ведущих библиотек, выпустит в свет "Сводный каталог русской книги XVIII века", к слову говоря, также не свободный от пропусков и неточностей. В стране, где очень поздно возникла государственная библиографическая регистрация и где весьма плохо выполнялся закон об обязательном экземпляре — создание национального книжного репертуара наталкивается

на трудности, с которыми уже не встречаются библиографы других стран.

Литература

Эйхенгольц А.Д. В.С.Сопиков — основоположник русской библиографии // Сов.библиогр. — 1949. — Вып. I. — С. 58-74.

Здобнов Н.В. История русской библиографии до начала XX в. — 3-е изд. — М., 1955. — С. 169-170, 174-181.

Неопубликованные материалы, связанные с жизнью и деятельностью В.С.Сопикова // Сов.библиогр. — 1973. — № 5. — С. 40-70.

Григорий Николаевич Геннади (1826-1880)

Г.Н.Геннади является одним из самых известных библиографов XIX в. Он — автор более полутора сотен работ разнообразного характера: по библиографии, библиотековедению, истории литературы и книжному делу. Интересы Геннади отличались большой широтой и некоторой разбросанностью: он был автором ряда работ по краеведческой библиографии, по отраслевой (история, археология, этнография, география, статистика и др.). Но в основном он работал в области общей библиографии. Работы, составившие его славу, — "Литература русской библиографии" и "Справочный словарь о русских писателях и ученых". Обе эти работы до сих пор не утратили справочного значения.

Долгое время над Геннади тяготели обличительные ярлыки; его называли случайным в библиографии человеком, дилетантом, а иногда и реакционером. Все это не имеет под собой ни малейших оснований. Конечно, Геннади, как и большая часть его коллег, был "любителем", т.е. непрофессионалом. В заработке он, будучи наследником большого состояния, не нуждался. Но это вовсе не значит, что он отпосился к библиографическому труду, как к барской забаве. Он всю жизнь усердно и самоотверженно трудился, чему свидетельством его многочисленные работы.

Библиографией Геннади начал заниматься очень рано, еще на студенческой скамье (он окончил юридический факультет Петербургского университета). Это обстоятельство дает нам пищу для размышлений. Отчего молодой, богатый, красивый, способный юноша

вдруг увлекся такой не сулящей лавров областью, как библиография? Ответ на этот вопрос дает нам его дневник, хорошо сохранившийся и дошедший до нас в составе других документов (РНБ). Геннади был усердным читателем книговедческой европейской литературы. Кроме обязательных немецкого и французского, он хорошо владел английским и итальянским. Возможно, лингвистические способности Геннади были результатом его необычного происхождения: его отец был греком, а мать — немкой. Европейские, а особенно французские книговеды провозглашали, как наш Сопиков, библиографию некоей наукой наук. Такое поприще не могло не привлечь честолюбивого молодого человека. В России этого времени происходит явление, которое наши историки называли "модой" на библиографию. Но сама библиография мыслилась как наука историческая, как часть истории культуры и просвещения, а вовсе не только как составление указателей.

Еще двадцатилетним юношей Геннади составляет для себя список дел, которые должен исполнить в течение своей жизни. Всего таких пунктов 44, и в дальнейшем на многих из них появляется надпись "сделано". В 1825 г. Геннади знакомится и затем сближается с Сергеем Дмитриевичем Полторацким, а затем — при содействии последнего — с Сергеем Александровичем Соболевским. Это были два библиографа пушкинской поры, оба лично знакомые с великим поэтом. Высокая культура (в том числе и книжная) александровского века через этих людей передавалась, как эстафета, следующему поколению книжников. Полторацкий всю жизнь копил материалы для словаря русских деятелей — писателей, ученых, работников просвещения и др. У него собрался грандиозный по объему и драгоценный материал, но он не торопился его издавать. Зато он был очень щедр и охотно делился им с молодыми коллегами. Множество работ Геннади не смогло бы появиться на свет, если бы не бескорыстная помощь старшего коллеги. Впоследствии Геннади завязывает связи и с другими выдающимися библиографами и учеными: М.Н.Лонгиновым, А.Н.Афанасьевым, М.П.Полуденским, П.А.Ефремовым, В.П.Гаевским, М.И.Семевским, С.И.Пономаревым и другими. Их переписка довольно хорошо сохранилась и находится ныне в различных архивах (ЦГАЛИ, ИРЛИ, РНБ, ГБЛ и др.).

Геннади был активным автором всех книговедческих журналов того времени: "Библиографических записок" Афанасьева, "Книжного

вестника", "Русского библиографического листка", а также журналов общелитературного характера: "Современника", "Отечественных записок", "Библиотеки для чтения". Он был постоянным русским корреспондентом немецкого книговедческого журнала "Указатель библиографической литературы" Юлиуса Петцольда. Был также членом Русского Географического общества и Общества любителей российской словесности при Московском университете.

Обратимся к основным трудам Геннади. Прежде всего это "Литература русской библиографии. Опись библиографических книг и статей, изданных в России" (СПб., 1855). Уже из заглавия видно, что это — ретроспективная библиография второй степени и, надо отметить, относительно молодая отрасль библиографической литературы. Она родилась тогда, когда сама библиография уже накопила много материала, нуждающегося в библиографировании. Появление библиографии второй степени — показатель высокого развития самой библиографии и роста ее самосознания. Первые европейские составители указателей такого рода стремились к международному охвату библиографической литературы; национальные ретроспективные указатели появились гораздо позднее — уже во второй половине XIX в. Так что Геннади опередил в этом отношении всю мировую практику. "Литература русской библиографии" — первая в мире национальная ретроспективная библиография библиографии.

В сущности, эту работу следовало бы назвать библиографией русского книговедения, настолько широка ее тематика. "Целью моего труда, — пишет Геннади в предисловии, — было приведение в известность и указание в систематическом списке по возможности всего, что напечатано в России по предмету библиографии в книгах, брошюрах и статьях в журналах и газетах. Разумея значение библиографии в обширном смысле как книговедение или книгознание и по смыслу ее названия, как книгоописание, я указал как статьи об этом предмете, так и собственно библиографические труды, словари писателей, всякого рода каталоги или списки книг и статей, в каком бы объеме и виде они ни явились".

"Литература русской библиографии" состоит из 13 отделов:

- 1) Общие сведения о библиографии
- 2) Библиографическая летопись в России
- 3) Частные библиографии по разным отраслям знания (с подразделениями по отраслям, коих шесть)

- 4) Описания редких и старинных книг
- 5) Журналистика (история журналов, статьи об отдельных периодических изданиях, указатели содержания журналов)
- 6) Словари русских писателей
- 7) История и описания библиотек
- 8) Книгопечатание (в том числе в России)
- 9) Книжное дело в древности
- 10) Книжная торговля
- 11) Библиофилия и библиомания
- 12) Сведения о русских библиографах, библиофилах, типографах, книгопродавцах; некрологи книгопродавцев
- 13) Собрания библиографических статей и смесь (библиографическими статьями в то время назывались всевозможные историко-литературные разыскания и публикации, осуществляемые, как правило, библиофилами).

Вот по какой широкой программе составил Геннади свой замечательный труд. Именно широта охвата обеспечила ему столь долгое существование. Несмотря на развитие позднейшей библиографии многие разделы указателя Геннади оказались не перекрытыми: объем библиографии все время сужался, и в последующие путеводители по библиографии включали, в основном, только указатели.

"Литература русской библиографии" была встречена единодушным одобрением современников — редкий случай в творческой биографии Геннади С.Д. Полторацкий назвал ее "Подарком библиографическому миру". Действительно, посвящение работ подобного рода подводит итог развития библиографии в данной стране в данный период и побуждает к дальнейшим трудам. Это в данном случае особенно ясно, ибо Геннади в послесловии к этой работе указал на "белые пятна" в отечественной библиографии и особенно на отсутствие репертуара, продолжившего бы труд Сопикова. Он выдвинул идею создания такого труда усилием коллектива библиографов, но эта правильная мысль еще долго не могла найти практического воплощения: в России не было объединений библиографов. Они появились только в самом конце века, но и им не удалось осуществить идею Геннади, хоть определенные шаги в этом направлении и делались.

Самой крупной работой Г.Н. Геннади является "Справочный словарь о русских писателях и ученых, умерших в XVIII и XIX столетиях, и список русских книг с 1725 по 1825 гг." Это — громадный

четырёхтомный труд, над которым Геннадии фактически работал всю жизнь. Материалы для него он начал собирать еще на студенческой скамье, затем благодаря знакомству с С. Д. Полторацким, также усердно собиравшим материалы для биобиблиографического русского словаря, он смог получить сведения, которых не было в печатных изданиях (Полторацкий собирал материалы устных рассказов своих современников, и это был ценнейший вид сведений). Понемногу у Геннадии начали скапливаться биографические данные о русских писателях и ученых, причем он себя сознательно ограничил только умершими, ибо хотел к биографиям приложить и полную библиографию трудов каждого лица. Сначала он публиковал ежегодные списки умерших деятелей культуры, науки, литературы, со списками их трудов и литературы о них. Это было тоже не просто, ибо мало находилось журналов, желавших публиковать эти некрологические сведения. Геннадии печатал их, где только было возможно, пока, наконец, не утвердился на страницах "Русского архива" — замечательного исторического журнала, издававшегося при Чертковской библиотеке в Москве.

Публикацию списков умерших писателей Геннадии продолжал в течение двадцати лет, вплоть до выхода в свет первого тома "Словаря". Он был издан в 1876 г. (буквы А-Е), когда уже почти были готовы и следующие тома. Геннадии решил издавать свой словарь за границей, в Германии. Прежде всего он сам в последние годы жил там; потом это давало свободу от русской цензуры, — словарь включил множество имен, запрещенных в России даже к упоминанию, тем более невозможно было бы поместить списки их трудов и литературу о них. Это декабристы, Герцен и Огарев, потаенный Пушкин, Чернышевский, Чаадаев и множество других.

"Я старался, — пишет Геннадии в предисловии, — привести в известность все сочинения, вышедшие в России, хотя бы и на иностранных языках, а также печатанные русскими за границей... При некоторых писателях, кроме исчисления книг, найдутся у меня также указания на главнейшие их журнальные статьи". Для этого последнего надо было просмотреть сотни комплектов русских журналов, на что ушло, конечно, много времени и сил. Приступая к этому труду, Геннадии мечтал о критико-биографическом словаре, в котором каждому писателю была бы посвящена обстоятельная статья. Десятки историко-литературных статей, заметок и публикаций, с которыми Геннадии выступал на страницах русской периодики, и были подступами к

такому словарию. Но единоличная работа подобного рода — дело совершенно нереальное. И потому Геннадии пришлось ограничиться краткими биографиями. Зато уж библиографическая часть словаря была выполнена на самом высоком для того времени уровне. Широко привлекалась зарубежная русская печать, в частности издания Герцена и Огарева. Так, например, библиографический указатель, сопровождающий статью о Пушкине, содержал сотни статей, в том числе и из Вольной печати. Самой трудоемкой частью словаря было добывание сведений о малоизвестных или забытых писателях, в особенности XVIII в. Здесь Геннадии опирался на помощь знатоков — Лонгинова, Афанасьева и др. Конечно, словарь Геннадии не лишен значительных погрешностей, да много и быть не могло при тогдашнем состоянии библиографии и истории литературы, которая только-только становилась на научные рельсы. В предисловиях и послесловиях к первому и второму тому (буквы Ж-М, 1880) Геннадии обращается к знатокам русской литературы с просьбами об исправлении его ошибок. Кроме того, ему активно помогал библиограф Н. П. Собко, который сверял рукопись Геннадии с фондами Публичной библиотеки.

В конце 1870 г. Геннадии приехал ненадолго в Петербург, простудился и умер от воспаления легких в возрасте 54 лет. За границей, в Дрездене, у его вдовы остались неопубликованные третий и четвертый тома Словаря, громадная библиотека, собрание гравюр (которое он собирался передать в дар Москве)... Вдова Геннадии, урожденная княжна Куракина, сразу начала распродавать то, что он собирал всю жизнь. Библиотека была продана букинисту, собрание иконографического материала — тоже. Но черновики словарей удалось спасти благодаря ее брату, князю Куракину, служившему в русской миссии в Дрездене и понимавшему ценность этих рукописей. Он их бережно хранил, и уже в начале XX в. передал третий том библиографу А. А. Титову, который и издал его в 1907 г. (буквы Н-Р). Публикуя этот том, Титов писал в предисловии, что Куракин обещал передать ему и четвертый том, тоже полностью завершённый Геннадии. Но в 1911 г. умер и Титов, и куда девался этот том — неизвестно. Благо второй экземпляр имел помощник Геннадии Н. П. Собко, также сохранивший его. И уже после смерти последнего, этот том был передан в Публичную библиотеку, где ныне и хранится (в Отделе рукописей). Руководство библиотеки несколько раз высказывалось в том смысле, что оно постарается издать этот том, с тем, чтобы словарь Геннадии был издан полностью, но обещание это до сих пор не выполнено.

Между тем, "Справочный словарь о русских писателях и ученых" — единственный дореволюционный труд такого рода, доведенный до конца. Конечно, теперь следовало бы издать все четыре тома, с исправлениями и дополнениями. Несмотря на наличие советского словаря писателей, труд Генчади был бы очень полезным справочником и весьма пригодился бы библиографам крупных библиотек и литературоведам. В 1913 г. биограф Генчади У.Г.Иваск (сам крупнейший книговед) писал: "Несмотря на свою более чем 30-летнюю давность и на ошибки и пропуски, словарь Генчади будет полезен до тех пор, пока не будут закончены издающиеся под редакцией С.А.Венгерова труды: "Источники словаря русских писателей" и "Русские книги". Оба эти труда, вместе взятые, и являются тем, о чем мечтал Генчади". Труды Венгерова, о которых пишет Иваск, остались незаконченными и потому его слова о работе Генчади сохраняют силу до настоящего времени.

Кроме "Справочного словаря" перу Генчади принадлежит еще несколько работ биобиблиографического жанра. Прежде всего это небольшая, но чрезвычайно содержательная работа

— биобиблиографический словарь русских авторов, писавших на французском языке. Уже сама специфика этого труда привела к тому, что тут доминируют авторы, чьи труды были запрещены в России: декабрист Н.И.Тургенев, П.Я.Чаадаев, А.И.Герцен, П.В.Долгоруков и другие. Генчади, прекрасно знавший запрещенную литературу (и собиравший ее с большим усердием, так же, впрочем, как большинство русских библиофилов того времени), продемонстрировал в этом словаре такую осведомленность, которая сделала эту небольшую работу ценнейшим справочником. Биобиблиографические списки предваряются здесь краткими биографическими справками, особенно интересными для зарубежного читателя. В предисловии Генчади сам отмечает, что эта работа предназначена равно для русского и зарубежного читателя. Всего в указателе 234 персоналии и несколько десятков анонимных и безавторских книг, что составляет, вероятно, исчерпывающий список русско-французских писателей, как их назвал Генчади.

Множество работ Генчади посвящено отраслевой тематике. Его, как и многих молодых библиографов-современников, в особенности интересовало то, что он называл "обозрением России во всех отно-

шениях", т.е. родноведение. В этот комплекс входили история, география, статистика, этнография, обычное право русского народа, история литературы и просвещения. Всем этим темам Генчади отдал дань. Некоторые, как история и литературоведение, сопровождали его всю жизнь; другими он увлекался лишь эпизодически. Во многих отраслевых указателях он выступал либо как новатор, либо как первооткрыватель. Так, он был родоначальником всех русских пушкиниан, опубликовав в конце 1850-х гг. два содержательных указателя: "Что писано о Пушкине" и "Переводы сочинений Пушкина" (в журнале "Библиографические записки"). Он был зачинателем рекомендательной библиографии для народного чтения. Ему принадлежит инициатива в создании библиографии библиотековедения — его "Указатель библиотек в России", в свое время перепечатанный немецкой книговедческой прессой, и доныне сохраняет большой интерес для историков культуры и просвещения.

Несколько вполне законченных и очень важных работ Генчади остались неопубликованными. Очевидно, причиной была его внезапная кончина. В Рукописном отделе Публичной библиотеки хранятся труды, о которых надо рассказать. Прежде всего это "Библиография русских альманахов и литературных сборников. Составил Григорий Генчади (по материалам своей библиотеки)". Это — полный перечень названных изданий; в нем 122 названых альманахов и сборников, подробно и превосходно аннотированных, причем аннотации касаются не только содержания, но и истории издания, если она представляет интерес. В указателе дается полная роспись содержания всех альманахов и сборников, а так как многие из них стали библиографической редкостью, а иные и вовсе утрачены, — это безусловно сильно повышает его ценность. Тщательно расписаны декабристские альманахи "Полярная звезда" и "Мнемозина" (с указанием всех работ ее редактора В.К.Кохельбекера), а также не вышедшая в свет "Звездочка", единственный экземпляр которой удалось спасти. Приходится только сожалеть, что эта работа осталась неопубликованной. Она могла бы с успехом предупредить последующие библиографии альманахов, авторы которых зачастую не имели перед глазами тех редчайших изданий, которыми обладал такой первоклассный библиофил, как Г.Н.Генчади.

Следует помнить, что все эти разнообразные работы были, кроме всего прочего, вкладом Генчади в создание национального репертуара печатной продукции, о необходимости которого он не раз писал.

Геннади располагал громадным собранием карточек с описанием книг и биографий писателей, но карточки эти впоследствии бесследно пропали. Конечно, значительная часть собиравшихся всю жизнь сведений была использована библиографом в ряде трудов, но все же гибель такой богатейшей картотеки — бедствие. Она разделила судьбу библиотеки Геннади и погибла для отечественной культуры.

Долгие годы в нашей истории библиографии для Геннади не находилось доброго слова. Его причисляли к мифическим "формалистам и объективистам", будто бы лидировавшим в русской библиографии середины прошлого века. Исследователей не смущало, что труды этого "формалиста" живы до сих пор. Для зачисления того или иного деятеля культуры в стан неугодных достаточно было цитирования вчуждых из контекста "высказываний". Над библиографами 50-60-х гг. смеялся Добролюбов — этого тоже было вполне достаточно для посрамления людей, чьи труды вошли в золотой фонд отечественной библиографии. Теперь, к счастью, все эти недепные обвинения могут быть опровергнуты, ибо вся жизнь Геннади, полная труда, все его указатели и статьи, свидетельствующие о большой историко-книжной эрудиции, лучше всяких высказываний рисуют нам человека, преданного науке, радеющего об отечественной культуре, выдающегося русского библиографа.

Литература

Равич Л.М. Г.Н.Геннади (1836-1880). — М., 1981. — 127 с.

Библиографы круга "Библиографических записок"

Падение николаевского режима (1855) вызвало оживление во всех областях общественной жизни. Коснулось оно и библиографии. К этому времени образовался целый круг молодых талантливых работников, которым необходим был свой печатный орган. В основном это были те библиографы, которые обладали большими личными книжными собраниями. Изучая старые русские книги, а также рукописи, которые тоже были объектом коллекционирования, они извлекали из них множество интереснейших фактов истории литературы, культуры, просвещения, либо вовсе дотоле неизвестных, либо запретных. Теперь, когда цензурный гнет несколько ослабел, можно было подумать

о публикации этих материалов, в которых так нуждалась молодая историко-литературная наука. Напомним, что библиография в то время еще не отделилась от книговедения, литературоведения, текстологии. Поэтому молодежь мечтала о таком журнале, который принял бы на свои страницы как библиографические указатели, так и публикации документов, копившихся в коллекциях библиофилов. И вот в конце 1857 г. несколько молодых москвичей-книжников решились на издание такого журнала, дав ему имя "Библиографические записки". Название это было, что называется, "на олуху" у тогдашнего читателя, любителя старины: так назывался отдел "Современника", который вел М.Н.Лонгинов. К 1858 г. этот отдел перестал существовать, и новый орган как бы принял у него библиографическую эстафету.

Издание подобного журнала было в те годы делом не только совершенно новым, но и рискованным в финансовом отношении. В России еще не сформировался тот круг читателей, который пожелал бы подписаться на такой журнал. Книжники, библиофилы, библиографы, историки литературы и другие подобные лица, для которых этот журнал был "своим", составляли в количественном отношении чрезвычайно незначительную группу. Тем не менее основатели журнала решились на такое безусловно прогрессивное начинание (заранее скажем, что журнал все годы был убыточным, хотя гонораров авторам не платили; все печатались в нем безвозмездно).

Основателями "Библиографических записок" стали два высокообразованных молодых человека: Александр Николаевич Афанасьев (1826-1871) и Михаил Петрович Полуденский (1830-1866). Оба они служили в Главном московском архиве министерства иностранных дел и в качестве таковых не имели права выступать как редакторы. Поэтому фиктивным редактором был объявлен Н.М.Щепкин, сын известного актера, издатель и книготорговец. В его магазине и принималась подписка на журнал. В 1861 г. после годичного перерыва, журнал стал редактировать Виктор Иванович Касаткин, впоследствии — эмигрант, сотрудник Вольной русской печати.

За три года своего существования (1858, 1859, 1861) журнал успел опубликовать множество интереснейших материалов. Он и ныне высоко ценится историками литературы и общественных движений. Назовем лишь имена людей, которым были посвящены публикации "Библиографических записок". Это — вольнодумцы ХУШ в.: М.М.Щербатов,

Д.И.Фонизин, Н.А.Радичев (опубликован и первый его портрет), Н.И.Новиков. Последнему посвящено около десятка статей, публикаций, писем и т.п. Далее это писатели XVIII и XIX вв. Среди последних – Грибоедов, Лермонтов, Пушкин, которому посвящено около 50 материалов всякого рода (недаром журнал и теперь так высоко ценится пушкинистами), в том числе и ранее запрещенные стихотворения и прозаические отрывки. В журнале – впервые в России – было опубликовано знаменитое стихотворение Лермонтова "Погиб поэт" (правда, без заключительных 16 строк, об опубликовании которых в России тогда не могло быть и речи). Значительный массив материалов, как отдельно опубликованных, так и вкрапленных в другие публикации, был посвящен декабристам. В частности, было опубликовано два стихотворения Рыльева, прозрачно зашифрованных криптонимом. Большое впечатление на читающую публику произвела публикация "Письма П.Я.Чаадаева", которой открывался первый номер за 1861 г. Дело в том, что имя философа было под запретом, а тех пор как он был "высочайше" объявлен сумасшедшим (1836 г.), т.е. двадцать лет. В 1856 г. он умер, и неизвестно было, можно ли уже писать о нем. Касаткин, в тот год редактировавший журнал собрал множество интереснейших материалов о Чаадаеве и его философские сочинения, ходившие в списках. Первую публикацию цензура пропустила, но дальше уже все запрещалось. Таким образом, "Библиографические записки" каким-то образом прорвались сквозь цензурные рогатки. Так же удалось им дать кое-что из потаенного Пушкина. Приходится только удивляться умению редакции действовать в обход цензурных правил.

✧ Вокруг журнала группировалась прекрасная молодежь, о главных представителях которой мы вам расскажем. Почти все они подвизались на научном поприще, а некоторые впоследствии стали видными учеными, но нас в данном случае они интересуют как библиографы. Афанасьев выступал как автор обзоров исторической литературы в "Современнике", которые он вел по поручению Некрасова, очень им довольного. Такие обзоры сочетали элемент библиографический с элементом исследовательским. Сам крупный специалист в области русской истории, Афанасьев, конечно, мог выступать в качестве не только знатока книг, но и знатока самого предмета – весьма важное качество для деятеля отраслевой библиографии. Афанасьев выступил и как автор большого указателя. Это "Указатель статей

по русской истории, географии, статистике и русскому праву, помещенных в "Отечественных записках" (1818–1830)". Этот указатель, изданный в 1861 г., содержит около 600 аннотированных записей, снабжен "ключами", богат раскрытыми псевдонимами.

В этом же жанре, но еще более успешно, выступил М.П.Полуденский. Он выпустил два указателя: "Указатель статей по русской истории, географии, статистике, русскому праву и библиографии, помещенных в "Вестнике Европы" (1802–1830)" – также подробно проаннотированный, включивший 1500 записей; "Указатель статей по русской истории, географии, статистике, русскому праву и библиографии, помещенных в "Московском вестнике" (1827–1831)". Такие частные указатели отраслевого характера, освещающие содержание журналов, имели большое значение для становления гуманитарных библиографий. Этот, иной раз весьма ценный материал оставался неизвестным для ученых в силу своей "рассеянности" по множеству периодических изданий. Собрать, проаннотировать его, снабдить вспомогательными указателями – дело первостепенное. Недаром вся современная пресса с таким одобрением отнеслась к работам Афанасьева и особенно Полуденского, действительно образцовым.

Виктор Иванович Касаткин (1831–1867) сам библиографических указателей не составлял, но занимался переводами их с иностранных языков. В "Библиографических записках" он поместил самый крупный из них – "Библиографию Долмации и Черногории", принятую с большим интересом русской общественностью, всегда живо интересовавшейся славянскими народами. Там же Касаткин опубликовал найденный и отредактированный им большой указатель Павла Любопытного (раскольника-писателя) – "Раскольничья библиография".

Вокруг "Библиографических записок" группировалась плеяда русских герценовцев. Разысканиями Н.Я.Эйдельмана установлено, что редакционная коллегия (выражаясь современным языком) этого журнала состояла из людей "лондонской" ориентации, которые были к тому же тайными корреспондентами изданий Большой русской типографии.

✧ Среди них в первую очередь (кроме редакторов) следует назвать Петра Александровича Ефремова и Евгения Ивановича Якушкина. Оба они крупные библиографы, знатоки русской литературы и к тому же – друзья. Их переписка продолжалась до смерти второго из них. К сожалению, она не опубликована.

Петр Александрович Ефремов (1830-1907/8) родился в Москве, в семье книголюба-самоучки, и с семилетнего возраста начал собирать книги. К концу жизни он был обладателем крупной и ценной библиотеки, равной которой в России не было. Небольшая часть ее, купленная после смерти владельца Пушкинским домом, составляет 24 тыс. томов. Собирая книги и журналы прошлых лет, Ефремов тщательно изучал их, делал выписки, снабжал примечаниями, дополнениями, именными и другими указателями. Между тем он не имел гуманитарного образования: окончив физико-математический факультет Московского университета, он затем служил (в Петербурге) по министерству финансов и был крупным деятелем банковского дела. Таким образом, в области истории и истории литературы он — "самоучка", но его эрудиция в этих областях и его заслуги перед русским просвещением были таковы, что он был избран в Академию наук.

Свою литературно-библиографическую деятельность Петр Александрович начал на страницах "Библиографических записок". Дебютировал он статьями и заметками о Пушкине и Лермонтове, крупнейшим знатоком творчества которых он стал впоследствии. Занимался он также декабристами, в особенности Рылеевым, опубликовав на страницах "Русской старины" множество текстов и писем казенного поэта.

Слава пришла к Ефремову-редактору достаточно рано. Под его руководством были изданы сочинения почти всех русских писателей, как первостепенных (Пушкин, Лермонтов, Грибоедов, Жуковский), так и малоизвестных (Лукин, Ельчанинов, а также другие авторы, жившие в XVIII в.). Все издания, выполненные Ефремовым, стресались по законам "библиографической" или "фактической" школы русского литературоведения. Ее требования сводились к следующему: достижение, по возможности, абсолютной полноты, расположение по хронологии, включение вариантов и черновиков, снабжение издания массой примечаний историко-фактического характера и — что особенно важно для нас — прикипной библиографией. Во многих случаях ему приходилось выступать как первобиблиографу данного писателя, ибо готовых материалов не было. Так, им были созданы первые в России библиографические указатели писателей XVIII в. (особенно крупный — о Фонвизине), что явилось чрезвычайно существенным вкладом в развитие литературоведческой библиографии.

Большими заслугами Ефремова и в области общей библиографии. Им был составлен ретроспективный указатель книг, вышедших в России с 1855 г. (год смерти Николая I) до 1865 г. (год введения новой цензурной реформы, отменившей предварительную цензуру для целого ряда изданий). Это громадный труд, выполненный, что потребовало большой напряженной работы. В нем указаны с большой полнотой всевозможные издания (книги, периодика и т.п.). Указатель был задуман и выполнен как научно-библиографический, но для издания его у Ефремова не было средств, и он отдал его известному книгопродавцу И.И. Глазунову (с которым долго сотрудничал как редактор), и тот выдал его в свет как каталог своей книжной торговли. Называется он так: "Систематическая роспись книгам, продающимся в книжном магазине Ивана Ильича Глазунова". Аналогичное издание было выпущено под фамилией московского Глазунова — Александра Ильича. Затем Ефремов составил уже непосредственно для Глазуновых два "Прибавления", охватывающих период с 1867 по 1873 г. Таким образом, этот указатель включил русскую книгу за 1855-1873 гг., почти за два десятилетия. А так как мы до сих пор не имеем хотя бы сводного каталога отечественной книги XIX в., то указатель Ефремова с голок не снят. Без него невозможно себе представить библиографическую службу крупной библиотеки.

В биографии П.А. Ефремова есть два эпизода, о которых следует рассказать особо. Первое — издание им сочинений Рылеева (1871). Мы уже говорили о том, что он много лет собирал и публиковал материалы, связанные с жизнью и творчеством декабриста, который был его любимым поэтом. Но одно дело — публикация на страницах научного журнала, другое — издание для широкой публики. Здесь цензура была особенно придирчивой. Но конкретных указаний о разрешении или запрещении сочинений Рылеева цензурные инстанции не имели, и Ефремов решил действовать на свой страх и риск. Весь доход от продажи издания должен был пойти дочери казенного поэта; Ефремов не имел никакой материальной заинтересованности. Более того, в случае запрещения, все убытки нес он один. С громадным трудом, при посредничестве другого библиографа — М.Н. Лонгинова, занимавшего высокий пост в управлении по делам печати, удалось получить согласие самого Александра II на это издание. Так подвиглось первое в подцензурной печати собрание сочинений Рылеева.

Более драматично закончилась история с изданием Радзиевского.

также осуществленным Ефремовым (два тома, 1872). Радишев не был под запретом, кроме одного его (главного) сочинения — "Путешествия из Петербурга в Москву". Мысли, высказанные Радишевым в ХУШ в., казались крамольными и в веке девятнадцатом. Только после резолюции 1905 г. оказалось возможным свободно издать это сочинение. Ефремов, окрыленный удачей с Рчлеевым, решил, что и здесь ему повезет. Но нет! Цензура и слышать не хотела о Радишеве. Книга была запрещена, весь тираж уничтожен. С величайшим трудом Ефремову удалось через служащих картонной фабрики, на которой происходило уничтожение тиража, добыть несколько экземпляров. Два он оставил себе, остальные раздарил друзьям (напр. Е.И. Якушкину). Теперь эта книга, также, впрочем, как и первое издание "Путешествия" — библиографическая редкость, и те, кто владеет ею, наперечет.

Ефремов занимался и переизданиями старых книг и журналов. Так, им были переизданы журналы Н.И.Новикова "Живописец" и "Трутенъ", которые также с большим трудом прошли через цензуру. Он переиздал ставший крайней редкостью первый русский библиографический словарь "Опыт исторического словаря о русских писателях" Н.И.Новикова, а также трагедию Княжнина "Вадим Новгородский", запрещенную и уничтоженную при Екатерине II.

Заслуги И.А.Ефремова перед русской культурой и библиографией очень велики. К сожалению, книги о нем пока еще нет.

Евгений Иванович Якушкин (1836—1905) — сын декабриста И.Д.Якушкина, родился в Москве, уже после того как его отец был заключен в Петропавловскую крепость. После превосходного домашнего образования он поступил на юридический факультет Московского университета, который окончил в 1847 г. По убеждениям — стойкий последователь Герцена, его "русского социализма". С молодых лет собирал книги, создал превосходную библиотеку, особенно богатую изданиями по юридическим вопросам, этнографии и обычному праву русского и других народов. Друг декабристов; после смерти И.И.Пушкина, ведавшего делами так наз. Малой артели, оказывавшей материальную помощь семьям декабристсь; стал ее председателем. По его настоянию написаны воспоминания Пушкина о Пушкине, мемуары многих других декабристов, в том числе его отца.

С 1856 г. до смерти жил в Ярославле, исполняя обязанности председателя палаты государственных имуществ. Через его руки прошло все выкупное дело в губернии, которое он старался про-

дуть всегда в пользу крестьян. Считается виднейшим деятелем крестьянской реформы, выдающимся этнографом и юристом, специалистом по народному праву или, как его называли, — "Нестором обычного права".

С начала 1870-х гг. Е.И.Якушкин начинает работу над библиографическим указателем "Обычное право". Обычное право — область, находящаяся на стыке этнографии и юриспруденции. В ее компетенцию входят вопросы семьи и брака, имущественных отношений, быта и нравов, форм землевладения, установившихся у народа, народных представлений и обычаев. Как последователь Герцена, Якушкин особенно интересовался этими проблемами, считая их первостепенными, переходящими из области теоретических изучений в область практической политики.

Указатель Якушкина состоит из четырех томов большого формата. Два первые (1875 и 1896 г.) вышли при жизни составителя, два последние изданы посмертно (1908 и 1900 г.) его сыновьями. Всего в указателе включено более семи тысяч наименований произведений печати, причем каждое описание сопровождается подробным рефератом, могущим отчасти заменить чтение оригинала. Это было особенно важно, потому что большое количество литературы относилось к категории трудно доступной: земские отчеты, провинциальные издания вообще и т.п. Якушкину для составления этого указателя пришлось просмотреть и внимательно прочитать десятки тысяч единиц всякого рода. Понятно, почему работа растянулась на тридцать лет. По уровню библиографической культуры и информационной насыщенности, работа Якушкина не знает себе равных. Она до сих пор используется специалистами и вряд ли когда-нибудь будет снята с полки. Ближе к этому указателю примыкает и другой труд Якушкина — "Обычное право русских инородцев" (1899), — вообще единственное пособие на эту тему в отечественной библиографии. Громадное ее значение, вплоть до нашего времени, не нуждается в доказательствах: сама тема говорит об этом.

Все выпуски указателя Якушкина в свое время вызвали множество откликов в печати. В них подчеркивалось, что эта библиография не просто подытоживает результаты развития науки ее пути, определяя наиболее перспективные проблемы. Подобный — идеальный — случай возможен лишь при таком стечении обстоятельств, когда автор

указатели сам является крупным ученым, специалистом в данной области знания: случаи такие, к сожалению, не часты.

Живя почти всю жизнь в провинции, в Ярославле, Якушкин превратил свою громадную библиотеку в общественную. Конечно, в городе была и публичная библиотека (такие библиотеки были открыты с большой помпой в губернских городах в середине XIX в., но они, как правило, владели жалкое существование). Собрание Якушкина было неизмеримо богаче городской библиотеки, и оно было открыто для всех желающих, без всяких поручительств и залогов. Современники вспоминают, что при этом ни одна книга не пропала! В сущности, библиотека Якушкина выполняла функции научной, каковых в русской провинции того времени еще не было нигде.

Весьма велик вклад Е.И. Якушкина в пушкиноведение. По собранным им материалам удалось восстановить множество текстов "потерянного" Пушкина. Он был первым нашим декабристоведам. Его собрание рукописных и иконографических декабристских материалов было самым обширным и едва ли не первым в России.

Преемником во всех этих областях был его сын Вячеслав Евгеньевич. Он стал автором первого научного описания рукописей Пушкина, поступивших в Румянцевский музей. Он был выдающимся декабристоведам, автором нескольких десятков книг и статей, и в частности первой книги для народа "Декабристы, кто они были и что они хотели" (1906, переиздана в 1918 г.).

Литература

- Равич Л.М. Евгений Иванович Якушкин. — Л., 1989. — 204 с.
Собиратели книг в России. — М., 1990. — С.14-22, 40-49, 63-74, 92-104.
- Равич Л.М. Михаил Петрович Полуденский // Историко-библиографические исследования. — Л., 1990. — С.119-132.
- Равич Л.М. А.И.Афанасьев и журнал "Библиографические записки" // Сов.библиогр. — 1971. — № 6. — С.45-60.
- Равич Л.М. Петр Александрович Ефремов // Там же. — 1980. — № 6. — С.46-55.